

Т.Б.Коваль

Католицизм в современной Испании: «количество» и «качество» веры

В статье анализируется современная религиозная ситуация в Испании. Опираясь на социологические данные различных испанских центров, автор рассматривает вопросы численности верующих, степени их религиозности и содержания веры, а также влияния религии на различные сферы жизни. В центре внимания — изменения, связанные с секуляризацией испанского общества, для которого религиозная идентичность связана в большей степени с католической культурой и традицией, чем с приверженностью христианским догматам. Вера все заметнее выходит из-под контроля церкви. Но это не означает ее исчезновения. Она продолжает занимать важное место в экзистенциальном пространстве человека.

Ключевые слова: религия, католицизм, церковь, Ватикан, Испания, вера, верующий, вероучение, социологические опросы, традиция, секуляризация, свобода совести.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

В отличие от многих религий для христианства важны личная вера, чувства и переживания. Поэтому, как говорил Тертуллиан, «христианами не рождаются, но становятся». Веру можно обрести и потерять, затем обрести вновь или никогда не прийти к ней. Наверное, только Господь Бог ведаёт, что творится в душе человека. Однако эта внутренняя жизнь христианина направляется и регулируется определенными догматами и представлениями о Боге, мире и человеке, о добре и зле, о целях и смысле земной и потусторонней жизни. Они являются обязательными для каждого члена церкви, как и выполнение различных ее предписаний. На разных этапах христианской истории акцент делался либо на внутренней личной вере, либо на внешних проявлениях религиозности, когда вера в Христа подменялась верой в церковь и силу ее обрядов.

Так, в первые века христианской истории верующим был тот, кто хотел им быть, кто чувствовал присутствие Спасителя каждую минуту своей жизни, сопереживал Его смертным мукам и со-радовался Его Воскресению,

Татьяна Борисовна Коваль — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН.

ожидая со дня на день второго пришествия. За такую веру заплатили жизнями христианские мученики. Однако в IV в., когда христианская церковь по указу императора превратилась из гонимой в господствующую, все изменилось: теперь подданные Империи, в том числе и народы иберийского полуострова, были обязаны исповедовать христианство. Церковные Соборы определяли не только религиозную, но и политическую жизнь государства. Внешнее благочестие, послушание церкви и политическая благонадежность отождествлялись.

Этот церковно-государственный симбиоз был нарушен вторжением варваров, но св. Исидор Севильский обратил вестготского короля Рекареда в католическую веру¹, и в 589 г. на III Толедском Соборе католицизм получил статус официальной религии государства. Так был скреплен союз испанской церкви и королевской власти, при котором религиозная вера определялась не личным выбором, но подданством. Измена королю считалась религиозным преступлением. При этом испанская церковь особо подчеркивала свое право «совместного правления» с королем, что было зафиксировано в специальных постановлениях ее Соборов².

Вторжение арабов в начале VIII в. осложнило религиозную ситуацию. В течение многих веков на полуострове царила веротерпимость. Бок о бок сосуществовали испанцы-христиане, арабы и берберы, исповедовавшие ислам, муввалады (испанцы-христиане, принявшие ислам), мудехары (мусульмане, оказавшиеся в отвоеванных христианами землях), ренегаты (христиане, воевавшие на стороне арабов), мориски (мусульмане, перешедшие в христианство), сефарды (романоязычные евреи), марраны (романоязычные евреи, перешедшие в христианство), мосарабы (христиане, проживавшие на мусульманских территориях). Возможно, лишь в эту эпоху выбор веры в какой-то мере зависел от личных решений и предпочтений.

Постепенно по мере расширения отвоеванных у арабов территорий этническое и религиозное все теснее сплетались друг с другом. В итоге Реконкиста превратилась в «крсаду» — крестовый поход против мусульман. Она закончилась насильственным изгнанием и физической ликвидацией иноверцев. Католицизм на века стал официальной и единственно возможной религией Испании. Таким образом, с этого момента понятия вера, религия, церковь сложились воедино. «Быть испанцем» стало означать «быть католиком».

Этому немало способствовала созданная в 1480 г. инквизиция, глава которой — великий инквизитор — назначался королем. Королевская власть как защитник и покровитель католической веры получила от главы католической церкви Папы Римского особые права, сохранявшие свою силу вплоть до 1976 г. Особенно важным из них было право короля представлять свои кандидатуры на должности высших церковных иерархов, которые формально затем утверждал Рим («patronazgo», или «derecho de presentación»)³. Таким образом, испанская церковная иерархия оказалась фактически под полным контролем государства. Тридентский Собор (1545—1563 гг.), подняв знамя Контрреформы, дал новый импульс к слиянию национального и религиозного в Испании: она возглавила борьбу с протестантской «ересью». Это всегда оставалось предметом особой гордости испанской церкви и консервативных мыслителей, развивающих идеи об особой роли Испании в спасении мира от ложных идей и верований.

Католическая традиция в Испании не была нарушена и в XVIII в., когда во многих европейских странах, прежде всего во Франции, широко распространились «вольномыслие» и атеизм. Даже в бурный XIX в., начавшийся с наполеоновских войн и наполненный бесконечными революциями и реставрациями, борьбой либералов и консерваторов, никто не сомневался в истинности католической религии и ее государственном статусе. Такая приверженность вере была во многом связана со страхом перед инквизицией, которая трудилась не покладая рук вплоть до 1834 г. До эпохи II Республики (1931—1936 гг.) католицизм оставался официальной религией испанского государства, а церковь пользовалась большими правами и привилегиями.

Это означало, что в течение многих веков вера как сокровенные отношения человека с Богом не рассматривалась как «личное дело». *Как верить и во что́ верить*, решала церковь. Вместе с государством она бдительно следила за «духовным здоровьем» подданных. Это предполагало строгий контроль за выполнением религиозных предписаний и искоренение всякой «ереси». Крещение было обязательным, как и присутствие на воскресной мессе, исповедь перед Пасхой, участие в религиозных праздниках и процессиях. «Уклонисты» заносились в особый список, который передавался приходским священником епископу, а тот в любой момент мог отослать его инквизитору⁴. О последствиях говорить излишне. Поэтому все подданные испанского государства старались всячески демонстрировать свою веру и преданность церкви.

Конечно, вера образованных людей существенно отличалась от веры простого народа, в массе своей безграмотного и невежественного. Тем более, что в католических странах до второй половины XX в. месса велась на непонятном большинству прихожан латинском языке. Лишь проповедь приобщала народ к религиозным знаниям, которые, с точки зрения простого человека, не противоречили поверьям и религиозным представлениям, связанным с древней мифологией и мистическим воображением. Церковь смотрела сквозь пальцы на этот религиозный синкретизм, понимая, что сердечная вера, пусть и с элементами «ереси», все же лучше, чем безверие.

Католическая традиция пережила серьезные испытания и потрясения в годы II Республики (1931—1936) и гражданской войны (1936—1939). В новых политических условиях страна раскололась на республиканцев, считавших церковь главным тормозом на пути к социальному прогрессу, и сторонников Национального движения, возглавляемого Франко⁵, которые видели в антиклерикальной политике республиканцев посягательство на дух испанской нации. Для них война стала новой «крусадой» против «Анти-Испании», «международного масонства» и «марксистского варварства».

После поражения республиканцев провозглашение в 1939 г. «Нового государства» означало восстановление католической традиции. «Испания была, есть и будет католической. Она по своей природе идентична католицизму» — эти франкистские постулаты сохранялись вплоть до 1975 г. По соглашению испанского государства со Святым Престолом, в 1941 г. вновь вступили в силу прежний Конкордат 1851 г., пропитанный средневековым духом, а с ним и положение о католицизме как единственной и официальной религии государства. Это исключало иноверие и инакомыслие, что закрепляли и такие законы, как «Fuero de los Españoles» (1945), «La Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado» (1947). Новый Конкордат 1953 г. еще раз

подтвердил конфессиональный характер нации и государства («La confesionalidad de la nación y del Estado» — art.1).

Однако с 60—70-х годов началось формирование принципиально новой системы координат духовно-религиозной жизни, что было связано со II Ватиканским Собором (1962—1965 гг.). Можно сказать, что до него католицизм имел один характер, а после него — совершенно другой. Конечно, основы веры, закрепленные в догматах, остались непоколебимыми. Но во всем остальном произошли радикальные преобразования. Для нашей темы важно отметить три ключевых момента.

Во-первых, католицизм переходил на новые принципы взаимоотношений с государственной властью. «Церковь никоим образом не смешивается с политическим обществом и не связывается с никакой политической системой... В своей области политическое общество и церковь автономны и независимы друг от друга»⁶. Так начался новый этап истории во взаимоотношениях двух властей, основанных на их независимости друг от друга. Отметим, что впервые в истории не государство выступило инициатором «развода» с церковью, а, наоборот, сама церковь настойчиво добивалась независимости от светской власти.

Во-вторых, не менее важным стал провозглашенный II Ватиканским Собором принцип свободы совести. Этому была специально посвящена одна из его деклараций. «Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения как со стороны отдельных лиц, так и общественных группировок, либо какой бы то ни было человеческой власти», поскольку «право на религиозную свободу зиждется в самом достоинстве человеческой личности»⁷. Этот принцип стал краеугольным камнем во взаимоотношениях церкви и испанского демократического государства с 1975 г.⁸, однако ранее был встречен «в штывы» франкистской политической элитой и испанской церковной иерархией.

Важно отметить, что, намекая на франкистский режим, Собор выразил «глубокую скорбь по поводу дискриминации между верующими и неверующими, которую несправедливо вводят некоторые гражданские власти, не признавая основных прав человеческой личности»⁹. Такое заявление покорило многих испанских епископов, принимавших участие в Соборе. Для них, стоявших на позициях национал-католицизма, любая критика франкизма воспринималась как оскорбление Испании и ее традиций. Они даже написали личное письмо Папе, в котором в апокалипсических тонах говорили о последствиях свободы совести и о том, что запрещать любые некатолические воззрения дело не только церкви, но и государства. Епископы продолжали свято верить в то, что только главный враг церкви — «международный коммунизм — может мечтать о свободе пропаганды,

Папа Иоанн Павел II в монастыре Монтсеррат, ноябрь 1982 г.

особенно в нашей стране, чтобы вновь разрушать ее»¹⁰. Папа Павел VI безуспешно призывал их проголосовать за принятие декларации о свободе совести, но они все же проголосовали против. Конечно, в итоге испанские епископы были вынуждены подчиниться общим решениям Собора. Франко также не хотел портить отношения с Ватиканом и решил в 1967 г. издать закон о свободе совести. Однако его разработчики по существу оставили все по-прежнему. Тем не менее, шаг к идейному плюрализму в Испании, пусть и формальный, все же был сделан. Полностью он был реализован после смерти Франко в 1975 г.

В-третьих, Собор предоставил национальным церквям широкие полномочия в принятии решений по организации религиозной жизни своих стран и во взаимоотношениях с государством. С этой целью существенно усиливалась роль конференций епископов той или иной страны, которые получали теперь право канонического юридического лица и законодательную власть по широчайшему кругу вопросов. «Всякий вопрос в масштабе страны, касающийся жизни и деятельности церкви, входит в сферу деятельности конференции»¹¹.

Пока «традиционалисты» составляли большинство во вновь учрежденной Конференции испанских епископов, они имели возможность тормозить процесс обновления. Ситуация стала меняться с 1971 г., когда председателем Конференции был выбран кардинал Э.Таранкон, известный своими «революционными» устремлениями. По его инициативе была создана «Совместная Ассамблея епископов и священников». Именно с этого момента можно говорить об обновленной испанской церкви, ориентированной на демократию, независимость от государства, свободу совести и религиозных убеждений. Это отразилось и в программном документе «La Iglesia y la Comunidad política» (1973).

Что касается государства, то, по Конституции 1978 г., оно определяет себя «демократическим и плюралистическим». Это в частности означает, что «никакое вероисповедание не может быть государственным. Власти принимают во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживают соответствующие отношения сотрудничества с Католической Церковью и другими вероисповеданиями»¹². Таким образом оговариваются светский характер государства и открытость к диалогу с католицизмом и, что не менее важно, с иными религиями. Гражданам предоставляется полная религиозная свобода.

В целом можно говорить о развитии в последние десятилетия процессов секуляризации¹³, т.е. размывании католической традиции, регулировавшей в былые времена всю социально-политическую и культурную жизнь страны, и о переходе к светской модели общественного устройства на основе внецерковных норм. Конечно, в результате секуляризации церковь теряет власть и вытесняется из многих сфер жизни, которые она всегда контролировала (образование, брачно-семейные отношения и пр.). Но это вовсе не ведет к агонии христианской веры. Напротив, делаясь менее формальной, она становится глубже и осмысленнее, переходя в область «личного» экзистенциального бытия.

КОЛИЧЕСТВО ВЕРУЮЩИХ

Вопрос о количестве католиков в современной Испании не так прост, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего потому, что само

понятие «католик» может вызывать разночтение. Так, для католической церкви католиком считается всякий крещенный в ее купели. Учитывая, что почти из 45-миллионного населения страны крещены 95%, мы получаем солидную цифру — около 43 млн человек.

Но все ли крещенные верующие? Конечно, нет. Ведь многие из тех, кого крестили, согласно обычаю, в младенческом возрасте, либо потеряли веру, либо так и не пришли к ней. Возможно, это дело будущего. Поэтому более точный показатель — не формальный обряд крещения, а религиозное самосознание. Согласно различным опросам, католиками считают себя примерно 80% испанцев¹⁴.

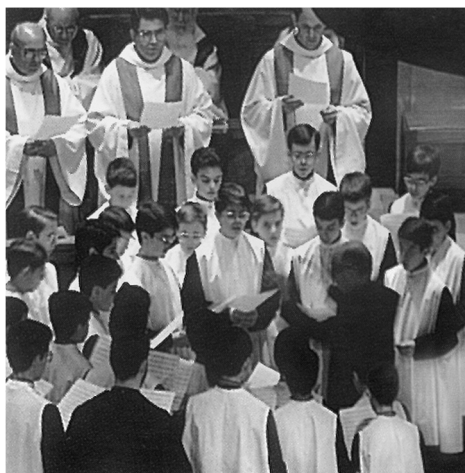
Один из наиболее авторитетных испанских научных центров «Centro de Investigaciones Sociológicas» (CIS) не раз проводил исследования религиозной ситуации (самое фундаментальное из них относится к 2002 г.)¹⁵. Также выпускается ежемесячный бюллетень, в котором неизменно присутствуют данные о религии. Согласно январским опросам 2009 г., католиками считают себя 77,4% испанцев. Исповедуют другие религии менее 2%¹⁶. Таким образом, страна по-прежнему остается католической. Но доля верующих год от года уменьшается, а неверующих увеличивается.

Проблема, однако, заключается в том, что очень многие из тех, кто причисляет себя к верующим католикам, не торопятся соблюдать даже минимальные предписания церкви, ходить на службы, исповедоваться и причащаться. Другими словами, есть «практикующие» и «непрактикующие» католики или, как сказали бы православные батюшки, «воцерковленные» и «невоцерковленные».

Что это означает? Рассмотрим минимальное требование церкви — посещение месс. В католической традиции идеальным считается присутствие на мессе несколько раз в неделю, что, в принципе, вполне реально, учитывая, что она длится чуть более получаса и в этом смысле достаточно удобна для работающего человека. Раньше в маленьких городках и поселках многие ходили на богослужение чуть ли не каждый день. Сейчас же, по данным CIS, таких ревностных католиков сохранилось не более 2% (в 2002 г. их было 5%). Зато раз в неделю, в основном по воскресеньям, а также в праздничные дни, в храмах присутствуют 14%, т.е. примерно 6,3 млн верующих¹⁷. Отметим, что семь лет назад их было значительно больше — 20%¹⁸.

В целом можно сказать, что основная тенденция последних десятилетий — значительное сокращение числа «практикующих» католиков. Соответственно возрастает доля «непрактикующих», неверующих, агностиков и атеистов. Сейчас их около 12%, т.е. в пять раз больше, чем полвека назад. До конца франкистской эпохи число практикующих католиков было очень высоко, поскольку церковь и государство внимательно следили за религиозной дисциплиной, отождествляя ее с преданностью режиму. Однако после 1975 г. в условиях демократизации, когда люди сами могли выбирать, как и во что им верить, резко увеличилась доля «непрактикующих» (с 36 до 45%), а также неверующих, агностиков и атеистов. В 90-е годы эти процессы в целом стабилизировались. Сложились достаточно устойчивые пропорции, при которых примерно треть испанцев тесно связаны с церковью и стараются выполнять ее предписания.

Однако при другой постановке вопроса вырисовывается иная картина: многие из тех, кто редко ходят в церковь и не соблюдают ее предписания, тем не

Хор мальчиков монастыря Монтсеррат

церкви и ее предписаний как мировоззренческой позиции речь не шла. И все же нельзя не отметить, что даже в 60-е годы, когда контроль церкви был чрезвычайно строгим, около трети молодых людей полагали, что можно быть хорошим католиком и при этом вообще не причащаться²¹.

Озадаченные этими новыми явлениями, испанские исследователи провели в то время несколько опросов молодежи. Они пытались понять, с одной стороны, причины «вольномудства», а с другой — мотивацию соблюдения церковных предписаний. Выяснилось, что более половины опрошенных молодых людей никогда не пропускали воскресных месс, потому что:

- такова традиция (8%)
- это обязанность католиков (30%)
- так предписано верой (10%)
- это внутренняя религиозная потребность (4%)
- остальные никак не смогли объяснить это²².

Оставляя в стороне проблему государственного и церковного контроля той эпохи, мы видим, что только у 4% присутствие на богослужении было связано с потребностями души. По-видимому, лишь эту небольшую долю и можно считать подлинно верующими. Однако не будем забывать о том, что грань, отделяющая такую экзистенциальную мотивацию от всех иных, связанных с культурой, традицией и пр., достаточно подвижна и условна. И никто не в силах определить, насколько месса, крещение, первые причастия, свадьбы или похороны являются религиозным актом и с какого момента они могут превратиться в «обрядоверие» или просто культурную акцию.

За прошедшие десятилетия из практикующей молодежи осталось всего 10%, а доля атеистов возросла более чем в два раза. По данным одного из связанных с испанской католической церковью социологических центров, почти половина молодежи в 2006 г. свидетельствовала о своем неверии²³. Особенно далеки от религии и церкви были молодые жители Каталонии и Страны Басков (хотя баски традиционно славились своей набожностью). Не отставал от них и Мадрид. Напротив, Андалусия, Кастилья-и-Леон и Галисия сохраняли, как и прежде, высокий уровень религиозности²⁴.

менее, считают себя глубоко верующими. Таким образом, вера становится личным делом каждого человека и все меньше зависит от церкви как социального института. В целом около половины испанцев (43%) назвали себя «очень религиозными» вне зависимости от степени их воцерковленности¹⁹.

Показательно, что к концу существования франкистского режима половина молодежи в возрасте от 15 до 24 лет причисляла себя к непрактикующим католикам²⁰. Возможно, что в те годы в это понятие вкладывался несколько иной смысл, связанный с признанием своей недисциплинированности. О принципиальном отрицании

Таким образом, вера и церковь — явления разного порядка. С течением времени они все больше расходились. Конечно, это не может не волновать испанскую церковь. Однако она весьма скептически относится к данным социологических опросов, которые проводят светские научные центры. Так, комментируя социологические данные CIS, монсеньор Франсиско Ас-конья, долгое время курировавший статистико-социологический отдел испанской церкви, отметил, что они «не могут служить индикатором жизнеспособности религии»²⁵. В частности потому, что они не учитывают многие явления, такие, как, например, новые религиозные движения мирян. По мнению Ф.Ас-коньи, испанцы сохраняют приверженность католическому духу, а это не поддается статистическому учету.

ВО ЧТО ВЕРЯТ ИСПАНЦЫ?

Казалось бы, такая постановка вопроса абсурдна. Ведь трудно предположить, что испанская церковь и государство, на протяжении многих веков боровшиеся за чистоту католической веры, не достигли в этом успеха. Даже учитывая секуляризацию, испанские католики вряд ли утратили основы своей веры. Но посмотрим, что говорят об этом цифры. Твердо верят в существование Бога только 42% опрошенных. Это значит, что половина тех, кто считают себя католиком, в той или иной степени сомневаются в существовании Бога²⁶. Ситуацию смягчает лишь то, что примерно треть все-таки близки к твердой вере.

Каким представляется Всевышний? В данном случае цифры нам мало что скажут, поскольку речь идет о таком аспекте веры, который не поддается формальному анализу. Поэтому доверимся мнению кардинала Э.Таранкона, долгое время возглавлявшего Конференцию испанских епископов. По его свидетельству, до сих пор в религиозном сознании испанцев преобладает страх перед Всевышним. «Многие видят в Нем какого-то диктатора, который, устанавливая Свои моральные нормы, только тем и занимается, что надзирает за людьми, жестоко карая за мельчайший проступок». В результате вера в Бога «еще далека от ощущения близости к Нему»²⁷. Это усугубляется, по словам кардинала, плохим знанием испанцами Библии. В Ветхом Завете, действительно, Бог предстает как грозный и временами беспощадный Судия. Но что касается Евангелия, то здесь на первый план выходит образ любящего и прощающего Отца Небесного, которого Иисус называл «Авва», т.е. так, как ласково называют своих отцов совсем маленькие дети (к сожалению, в русском и латинском переводах Библии эта особенность была утеряна).

Если проанализировать отношение испанцев к другим догматам и положениям католического вероучения, которые они в принципе должны были бы полностью принимать, то можно увидеть следующую картину. Лишь половина испанских католиков верят в рай. Как правило, люди надеются, что они туда попадут. Что же касается ада, чистилища и чертей, то в эти «неприятности» верят только четверть опрошенных. Половина испанцев и вовсе считают все это выдумками и сказками. Однако во все «хорошее» — ангелов и чудеса — верить значительно приятнее. Не поэтому ли каждый третий испанец признает их существование достоверным?

Для христианства принципиален вопрос о потусторонней жизни. Речь идет о «спасении» — главной цели жизни каждого верующего христианина. По словам апостола Павла, «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес»; «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна» (1 Кор., 15, 12—17). То есть можно сказать, что без веры в вечную жизнь христианство теряет весь свой смысл. Однако веру в это разделяют далеко не все, а лишь половина верующих. И только 17% из них в этом не сомневаются. Что же остальные? Более трети совсем не верят в вечную жизнь, а четверть глубоко сомневаются в возможности потустороннего существования как такового.

Примечательно, что христианскую идею вечной жизни с Богом сильно потеснило взятое от эзотерики учение о реинкарнации, которое церковь вполне справедливо считает несовместимым со своим учением²⁸. Однако его разделяют 18% испанцев, что свидетельствует, в частности, о широкой популярности представлений, за что в былые времена можно было попасть на костер. Таким образом, можно заключить, что многие испанские католики не только перестают регулярно ходить в церковь и выполнять религиозные предписания, но критически относятся к содержательной стороне веры и сами решают, во что и как им верить.

В этой связи встает вопрос о влиянии религии и ее нравственных установок на повседневную жизнь. По результатам опроса CIS в 2002 г., большинство (65%) респондентов, принимая какие-либо важные решения в своей жизни, ориентируются не на религиозные представления, а на «здравый смысл». Это объясняется тем, что, по их мнению, в решении сегодняшних проблем религия помочь не может. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов остальные 35% респондентов, которые, напротив, при принятии важных решений помнят о своих религиозных убеждениях. Но большинство из них составляют женщины, в то время как три четверти мужчин не берут в расчет религию, а подходят к делу сугубо рационально²⁹.

Несмотря на то, что объективно степень религиозности тесно связана с политическими предпочтениями, и правые партии всегда собирают большее число голосов среди практикующих католиков, в субъективном восприятии вера и политика разведены. Кроме того, 75% испанцев считают, что политический выбор в принципе не должен быть связан с религиозными убеждениями.

Что касается испанской церкви, то она всегда призывала свою паству к активному участию в политических выборах, напоминая, что индифферентность и отстраненность от происходящего в стране не соответствуют ее социальному учению. Правильный выбор, по мнению церкви, католики могут и должны делать самостоятельно, анализируя программы политических партий. Церковь призывает обращать особое внимание на то, как в них отражены вопросы, связанные с человеческой жизнью как таковой, брачно-семейной сферой, образованием, а также с социальной справедливостью. Иными словами, речь идет о совместимости политической линии той или иной партии с основами католической веры и морали. Отметим, что после 1975 г. испанский епископат никогда не указывал своей пастве, за какую именно партию нужно голосовать.

В вопросах брака и семьи налицо серьезные расхождения между церковью, с одной стороны, и правительством — с другой. И в данном случае общество в большей степени солидарно со светской, а не духовной вла-

стью. Для церкви совершенно неприемлемы разработанные правительством социалистов законы, легитимизирующие «смертные грехи». А к ним относятся «содомия» (гомосексуальные связи), «внебрачный блуд», «убийство нерожденных детей» (аборты) и многое другое. Особенно возмущает церковь и значительную часть ее паствы принятые правительством социалистов законы об однополых браках и праве гей-пар усыновлять детей, а также законы, разрешающие аборты.

Что касается разводов, то здесь сложилась довольно сложная и запутанная ситуация. В католической традиции (в отличие от православной) развод невозможен, и в таинстве венчания муж и жена соединяются навеки. В современной Испании можно заключить не церковный, а светский брак, как многие и поступают. В связи с этим был принят закон, значительно облегчающий ранее затянутую и сложную бюрократическую процедуру. Кроме того, она стала доступной в финансовом отношении. Все это было с энтузиазмом поддержано подавляющим большинством жителей страны. Однако церковь усмотрела в этом законе посягательство на нравственные устои и семейные ценности. Кроме того, для нее возникли дополнительные сложности с той частью католиков, которые, заключив церковный брак, затем оформили гражданский развод. Эти люди попадают, по мнению церкви, в особую категорию грешников, поскольку все их последующие связи и повторный брак, скрепленный светской властью, рассматриваются как блуд. Также и добрые связи, как и так называемый «гражданский» брак (свободное сожительство) однозначно осуждаются церковью. К тому же не разрешается использование контрацептивных средств.

Современная реальная жизнь не соответствует этим церковным взглядам. Все больше молодежи живет в так называемых «пробных» браках без официального оформления отношений. Число разводов растет год от года. Испанское общество не торопится осуждать все эти явления. Церковную позицию поддерживают только 19% опрошенных, большинство из которых — люди старшего поколения. Наиболее терпимо настроена молодежь. Она не осуждает ни аборты (64% опрошенных), ни добрачные связи (62%), ни супружеские измены (45%), а разводы воспринимает как норму жизни. И, конечно же, все запреты церкви на контрацепцию ее не касаются.

Все это беспокоит испанскую церковь, которая ищет контакта со своей паствой, но наталкивается на препятствия. Их создают и современный мир с его культом гедонизма и эгоизма, и собственная инертность. Перед церковью стоят вопросы: как отличить свободу от вседозволенности? Что делать верующим в случае «наступательных» действий со стороны тех, кто по тем или иным причинам отрицает христианские ценности? И как должна вести себя церковь, когда государственная власть «попирает», с ее точки зрения, христианские нормы, а общество впадает в моральный релятивизм, теряя ориентиры в выборе добра и зла?

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, испанская церковь опубликовала за последние десятилетия ряд программных документов. Одним из наиболее важных можно считать пастырскую инструкцию «Teología y secularización en España» (2006). В ней говорится о том, что церковь, целиком и полностью поддерживая демократию как лучшую из существующих форм общественного устройства, вместе с тем видит опасность в превращении понятия демократии в некий фетиш. Так, например, правительство социа-

листов злоупотребляет этим понятием, превращая его в основной критерий определения добра и зла. Однако, по справедливому мнению церкви, истина далеко не всегда определяется большинством голосов и политическим консенсусом с меньшинствами, в том числе гомосексуальными.

Поэтому церковь считает важным развивать демократию и гражданское общество, сохраняя при этом христианскую систему координат. А в ней различие добра и зла связывается не с политическим понятием по принципу «хорошо все, что демократично» и «плохо все, что недемократично», а с нравственными заповедями, полученными от Бога, которые содержатся в Библии. Этический релятивизм не приемлем, считает церковь. Ведь он означает, что моральные нормы зависят от политической конъюнктуры и волюнтаризма политиков. Именно в релятивистском подходе к морали церковь видит основную опасность для духовного здоровья испанского общества. Речь идет, таким образом, о сохранении христианской этики в современных условиях.

В целом можно сказать, что, во-первых, испанское общество сохраняет свою приверженность католицизму, в котором, однако, видит скорее культурно-историческую традицию, чем религиозную истину. Во-вторых, в современной Испании наблюдается процесс секуляризации, начавшийся позже, чем во многих других странах. Проявляется он прежде всего в том, что церковь вытесняется из многих сфер общественного бытия, а религия перестает быть главным ориентиром в решении жизненных вопросов. В-третьих, социологические данные дают возможность представить религиозную ситуацию с формально-количественной точки зрения, но они недостаточны для оценки ее качественных изменений. Если мерить «качество» веры ее соответствием церковному учению, то в современных условиях каждый верующий принимает или не принимает положения вероучения.

Можно констатировать, что вера все больше становится «личным делом» верующего и все меньше зависит от церковных установок, и в этом залог ее жизнеспособности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На протяжении первых десяти веков христианской истории существовала единая христианская церковь, которая в 1054 г. разделилась на восточную (православную) и западную (католическую). Поэтому, говоря о католической церкви в Испании до этого события, мы имеем в виду «Единую, соборную (т.е. католическую) и апостольскую» церковь, придерживавшуюся ортодоксальной (т.е. православной) веры, Символ которой был определен на Никейском и Константинопольском Соборах.

² А.Р.К о р с у н с к и й. Готская Испания. М., 1969, с. 293.

³ Это право королевского патроната («patronazgo», или «patronato regio») сохранялось вплоть до 1976 г., когда король Хуан Карлос благородно отказался от него, откликнувшись на призыв Папы Павла VI к тем «гражданским властям, которые в силу соглашения или обычая пользуются такими правами и привилегиями... по собственному почину отказаться от них». См.: Декрет 1965 г. «О пастырской должности епископов в церкви» («Christus Dominus»). В нем говорилось о недопустимости предоставления гражданской власти никаких «привилегий» для «избрания, назначения, представления или определения на епископскую должность». — Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель, 1992, с. 205—206.

⁴ См.: A.D o m í n g u e z O r t í z. Historia de España. El Antiguo Régimen: los Reyes Católicos y los Austrias. Madrid, 1973, p. 230—237.

⁵ В республиканской зоне были разрушены 17 тыс. церквей и монастырей, расстреляны 7 епископов, более 4 тыс. священников и семинаристов, 2,5 тыс. монахов и монахинь, не считая сотен и тысяч мирян. Подробнее о религиозных преследованиях 1931—1939 гг. см.: A.M o n t e r o M o r e n o. Historia de la Persecución Religiosa en España (1936—1939). Madrid, 1999; V.C á r c e l O r t í. La Iglesia en la II República y en la guerra civil (1931—1939). — Historia de la Iglesia en España, vol. V. Madrid, 1979, p. 331—394.

⁶ Пастырская Конституция 1965 г. «Радость и надежда» о Церкви в современном мире. («Gaudium et spes»). — Второй Ватиканский Собор, с. 407.

⁷ Декларация о религиозной свободе. — Второй Ватиканский Собор, с. 440—441.

⁸ См. подробнее в официальном издании Соглашений между испанским государством и Святым Престолом: C.C o r r a l. Sistema constitucional y acuerdos específicos. — Los acuerdos entre la Iglesia y España. Madrid, MCMLXXX (1980).

⁹ Пастырская Конституция 1965 г. «Радость и надежда» о Церкви в современном мире, с. 347.

¹⁰ Цит. по: G.F e r n á n d e z F e r n á n d e z. Religión y poder. Transición en la Iglesia Española. León, 1999, p.80—81.

¹¹ Каноническое право. О народе Божиим. (De populo Dei). М., 1995, с. 122—123.

¹² La Constitución española. Aprobada por las Cortes el 31 de Octubre de 1978. Referéndum Nacional 6 de Diciembre. Capítulo Segundo «Derechos y libertades». Artículo 16.

¹³ Впервые термин «секуляризация» (от лат. saecularis — мирской) возник в XVII в. Он означал передачу земельных владений из церковного управления в светское. В более широком смысле он означает процесс снижения роли религии в жизни государства и общества, а также уменьшение религиозности и степени приверженности церковным обычаям и обрядам, распространение агностицизма и атеизма.

¹⁴ По данным CIS на 2002 г., 82% испанцев считают себя католиками, а согласно оценкам Центра исследований социальной реальности (Centro de Investigaciones sobre la Realidad Social, CIRES), — 90,3%. Чуть большую цифру — 93,6% дают церковные социологи из «Oficina de Estadística y Sociología de la Iglesia». Данные апрельского опроса CIS, которые не были специально посвящены этой теме, а значит, с этой точки зрения могли содержать определенную погрешность, говорят о 76% населения страны, идентифицирующих себя с верующими католиками (сюда входят как испанцы, так и мигранты).

¹⁵ CIS. Actitudes y creencias religiosas. Estudio N 2.443. Enero 2002.

¹⁶ CIS. Estudio N 2.782. Enero 2009 — www.datos.cis.es/pdf/Es2782mar_A.pdf

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ См.: CIS. Boletín 29. Mayo — agosto 2002. Religión y sociedad. — www.cis.es

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Sobre datos procedentes de Fundación Santa María, 2006. — El País. Madrid, 5.IV.2006.

²¹ J.G o n z á l e z-A n l e o. Catolicismo nacional: nostalgia y crisis. Madrid, 1975, p. 161.

²² Ibidem..

²³ Sobre datos procedentes de Fundación Santa María, 2006. — El País, 5.IV.2006.

²⁴ Ibidem.

²⁵ www.alfayomega.es/revista/2007/527/14reportaje1.html

²⁶ CIS. Actitudes y creencias religiosas. Estudio N 2.443. Enero 2002.

²⁷ J.L.M a r t í n D e s c a l z o. Tarancón, el cardenal del cambio. Barcelona, 1982, p.118.

²⁸ Изначально его проповедовали различные индийские духовные учения, Пифагор, Платон и другие греческие философы, а также гностики. Основная мысль заключается в перевоплощении человека после его смерти в новых повторных рождениях.

²⁹ CIS. Actitudes y creencias religiosas. Estudio N 2.443. Enero 2002.